

Просидев в восточном дворе совсем недолго, Сюй Шэнъи нашёл повод и увел Фан Наньшаня.

Стоило им уйти, как в восточном дворе поднялся шум.

Наложницы, точно пестрые бабочки, облепили Сюй Синцяя.

Только и слышалось со всех сторон: «Ах, господин то, ах, господин сё».

Сюй Шэнъи давно к этому привык.

Он, не замедляя шага, направился напрямиком в западный двор.

Фан Наньшань послушно семенил следом.

С того момента, как он увидел холодное лицо супруга, он не смел проронить ни слова.

В душе он терзался: наверняка сам где-то напортачил или ляпнул лишнего.

Иначе почему в западном дворе муж был весел, а стоило войти в восточный – перестал улыбаться?

Фан Наньшань всё больше убеждался, что виноват именно он.

Весь путь он осторожно крался за Сюй Шэнъи.

Тот, погруженный в свои мысли, не сразу заметил состояние мужа.

Только у самых ворот в западный двор он почувствовал неладное.

Он мягко спросил:

— Что случилось? Почему ты молчишь?

Фан Наньшань почесал затылок и с опаской произнес:

— Да я... я увидел, что ты не в духе, вот и не решился болтать.

Сюй Шэнъи растерялся.

— С чего ты взял, что я не в духе?

— Да ты как в восточный двор вошёл, так и похолодел лицом. Когда к тебе обращались, ты только кивал. Это ли не значит, что ты сердишься?

Сюй Шэнъи замер.

Вчера вечером он намеренно старался понравиться Фан Наньшаню, искал близости.

Видя, что того не соблазнить сотней лянов приданого, он решил применить «мягкую силу».

Похоже, этот здоровяк всё принял за чистую монету.

Поверил, что у него и впрямь кроткий и покладистый нрав.

Что ж, мужчины такие существа: чем слабее ты кажешься, тем охотнее они лезут на рожон

ради тебя.

Так даже лучше. Прикидываться паинькой он умел мастерски.

— Наньшань, в восточном дворе все – люди моего отца. Я просто не могу им улыбаться, понимаешь?

Фан Наньшань прозрел.

Он хлопнул себя по лбу:

— Вот я дурень! О таком-то и не подумал.

Сюй Шэнъи посмотрел на него, и в его глазах снова заплескали искорки.

— Ничего. Главное, чтобы ты меня понимал. Моя холодность не к тебе относится.

Фан Наньшаню эти слова были как бальзам на душу.

В городке и так судачили о похотливости господина Сюя.

Достаточно было взглянуть, скольких девиц и гээ-эров он перетаскал в дом за эти годы, чтобы понять, что он за человек.

Поговаривали даже, что Сюй Синцай в молодости бросил законную жену ради новоприбывшего гээ-эра.

А ведь Сюй Шэнъи тогда был совсем крохой.

Расти в таком доме без материнской защиты... И гадать не нужно, каково ему пришлось.

Неудивительно, что он не любит смеяться и сторонится людей.

От этих мыслей у Фан Наньшаня защемило сердце.

— Дорогой муж, теперь у тебя есть я. Я тебя защищу... — Фан Наньшань не успел договорить: в передний двор кто-то вошёл.

Шаги были скорыми, и пришедших было немало.

Сюй Шэнъи всё понял – он ждал, что сегодня кто-нибудь явится.

Собственно, он их и поджидал.

— Наньшань, иди в западный двор и не выходи.

Фан Наньшань нахмурился:

— Столько народу просто так не приходят. Я не пойду в комнату, я буду с тобой.

Хоть Фан Наньшань и мало смыслил в делах Сюев, из обрывочных фраз мужа он догадывался: в богатых семьях полно грязи.

Сюй Шэнъи не хотел втягивать его в семейные дразги сейчас.

Ведь он ещё не полностью приручил этого здоровяка.

— Наньшань, послушай меня...

— Брат!

Голос, полный отчаяния, оборвал его на полуслове.

— Брат, как же ты женился? С кем ты сошелся, почему со мной не посоветовался?

Сюй Шэнъи и Фан Наньшань не успели опомниться, как к ним подлетела фигура.

Она неслась так стремительно, что повалила несколько цветочных горшков во дворе.

Фан Наньшань даже рассмотреть её не успел, как получил ощутимый толчок в бок.

Девчонка с разбегу кинулась в объятия Сюй Шэнъи.

От неожиданности тот отшатнулся на несколько шагов.

Фан Наньшань, испугавшись, что муж упадет, вовремя подхватил его сзади.

Он недовольно пробасил:

— Ты что творишь? Чуть моего мужа с ног не сбила!

Пригревшаяся на груди Сюй Шэнъи девчушка получила нагоняй и медленно подняла голову.

Она обиженно пожаловалась:

— Брат, он на меня кричит!

Сюй Шэнъи беспомощно улыбнулся и погладил её по волосам.

— Шэнхуань, не капризничай. А ну, отцепись от меня. Тебе уже двенадцать лет, пора бы и честь знать.

Сюй Шэнхуань нехотя отстранилась, но губы всё равно поджала.

— Брат, ты меня больше не любишь. Даже про свадьбу не сказал. Мы же договаривались, что будем жить вместе.

Сюй Шэнъи, видя, что она вот-вот разрыдается, поспешил утешить:

— Всё вышло внезапно. Не сердись на брата. Раз уж приехала, погости несколько дней, я тебя гулять свожу, идет?

Стоило ей услышать про «погостить» и «гулять», как она тут же засияла.

— Ладно! Всё-таки ты у меня самый лучший.

Утихомирив егозу, Сюй Шэнъи снова перешёл к нравоучениям:

— Ты уже взрослая барышня, два года у учителей грамоте училась. Впредь не смей так на людей бросаться, это неприлично.

Сюй Шэнхуань мастерски прикинулась послушной:

— Хорошо, братец.

— А теперь поприветствуй гостя, соблюдай приличия, — Сюй Шэнъи подтолкнул Фан Наньшаня вперед. — Это мой муж. Ты должна называть его старшим братом.

Сюй Шэнхуань смерила Фан Наньшаня взглядом.

Уж больно он высокий и на лицо грозный.

— Старший брат, — буркнула она.

Фан Наньшань не стал обижаться на ребёнка и приветливо кивнул.

— Сестрица Хуань, иди со своим старшим братом в западный двор. Скажи А-Юаню, пусть приготовит что-нибудь вкусненькое.

Перспектива остаться наедине с Фан Наньшанем совсем не обрадовала Сюй Шэнхуань.

Но еда... Против еды она устоять не могла.

— Ладно, брат. Будем ждать тебя там.

Сюй Шэнхуань направилась к западному двору.

Увидев, что Фан Наньшань стоит как вкопанный, она крикнула:

— Эй, старший брат, идем! Попросим А-Юаня чего-нибудь приготовить.

Фан Наньшань отмахнулся:

— Иди сама, я с твоим братом в передний двор пойду.

Сюй Шэнхуань и так не нравилось, что Фан Наньшань крутится возле её брата.

Раз тот не пошёл, она стиснула зубы и тоже решила остаться.

Она подскочила к Сюй Шэнъи, плечом отпихнув Фан Наньшаня в сторону.

— Тогда я тоже останусь. Отец всю дорогу кипятился, вы сейчас опять ссориться начнете. Я буду тебя защищать!

При этом она зыркнула на Фан Наньшаня:

— Кто тебя защитит преданнее меня? Кто тебе роднее родной сестры?

Фан Наньшань понял, что девчонка нарочно его задевает.

Он не остался в долгу:

— Шла бы ты, сестрица Хуань, в западный двор. Мы с Шэнъи – единое целое, я и сам в силах его защитить.

Сюй Шэнхуань вспыхнула и обернулась к нему:

— Тебя не спрашивали!

Фан Наньшань шагнул вперед и по-хозяйски обнял Сюй Шэнъи за плечо.

— Тебя тоже.

Сюй Шэнъи прижал ладонь ко лбу:

— Хватит. Оба марш в западный двор, я...

Он не договорил – к ним подошла женщина.

Увидев её, Сюй Шэнхуань испуганно спряталась за спину брата.

Сюй Шэнъи тоже инстинктивно загородил собой сестру и Фан Наньшаня.

Это была матушка Чунь из старой усадьбы.

Кошмар детства Сюй Шэнъи.

На её лице играла притворная улыбка:

— Мое почтение третьему гэ-эру. Старший и второй господа просят вас пожаловать в передний двор.

С этими словами матушка Чунь искоса оглядела Фан Наньшаня.

В её взгляде, наглом и нескрываемом, читалось одно презрение.

— Старший господин велел и нового зятя позвать. Пора познакомиться, а то не дай небо на юбилее старой госпожи оконфузится – не узнает, как к кому обращаться.

Взгляд Сюй Шэнъи обледенел.

Он посмотрел на матушку Чунь с такой яростью, что та невольно поежилась.

— Матушка Чунь, столько лет при бабушке состоите, а так и не научились людям в глаза смотреть. Может, стоит лекаря позвать, пусть глянет, что у вас с зенками?

Матушка Чунь натянуто улыбнулась:

— Гэ-эр И всё такой же – любит подшутить над моими глазами.

Старая госпожа Сюй редко выходила в свет и всем говорила, что отошла от дел, но на деле знала о каждом шорохе в семье.

Матушка Чунь была её глазами и ушами.

От природы у нее был мутный, грязноватый взгляд, от которого любому становилось не по себе.

Сюй Шэнъи чувствовал этот взгляд на себе долгие годы.

И даже сейчас, видя эти глаза, он ощущал привычный холодок страха.

Фан Наньшань, глядя на худую спину мужа, заслонившего его собой, почувствовал острую жалость.

Он заметил, как тот сжал кулаки, услышал дрожь в голосе – Сюй Шэнъи было страшно.

Ему было страшно, но он всё равно защищал других.

У Фан Наньшаня защемило в груди, и он решительно заступил за Сюй Шэнъи.

Он рявкнул на матушку Чунь:

— Дом Сюев – это дом моего мужа! Видишь его – веди себя смирно, старая карга. Будешь языком попусту чесать да хамить – я с тебя спрошу, так и знай.

Матушка Чунь так и застыла. Затем выдавила из себя:

— Ох, я баба старая, глупая... Уж простите меня, молодые господа.

Фан Наньшань скрестил руки на груди:

— Проваливай отсюда, не мозоль глаза.

Сюй Шэнхуань редко слышала такие грубости, но раз это было ради брата, она сочла, что сказано всё верно.

Сюй Шэнъи, надежно укрытый за широкой спиной Фан Наньшаня, не видел перекошенного лица матушки Чунь и её злобного взгляда.

Он видел лишь крепкую, могучую спину мужа.

«Действительно, высок как гора», – подумал он.

И надежен как гора.

Он вдруг передумал и решил не отстранять Фан Наньшаня от встреч со старшей ветвью семьи.

— Наньшань, сестрица Хуань, идем в передний двор вместе.

Фан Наньшань обернулся и крепко сжал его ладонь.

— Идем. Посмотрим, кто сегодня посмеет тебя обидеть, когда я рядом.

С этими словами Фан Наньшань повел Сюй Шэнъи в передний зал.

В этот миг Сюй Шэнъи охватило странное чувство.

Пусть впереди буря, но если у него есть такая опора, быть может, он сумеет в ней укрыться?